

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

**О важности для академии языкознания
вообще и греческого в особенности и о
лучшей постановке этой науки:
по поводу отчёта комиссии, производившей
испытания по греческому языку 16 сентября 1905
года в С.-Петербургской академии**

Опубликовано:
Христианское чтение. 1905. № 11. С. 613-623.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

О важности для академій языкознанія вообще и греческаго въ особенности и о лучшей постановкѣ этой науки.

По поводу отчета комиссiи, производившей испытанiе по греческому языку 16 сентября 1905 года въ С.-петербургской академiи.

30 сентября 1905 года Совѣтомъ Петербургской духовной академiи былъ одобрительно принятъ слѣдующій экзаменаціонный отчетъ о познанiяхъ по греческому языку вновь поступившихъ семинарскихъ воспитанниковъ:

«Подвергнутыя испытанiю изъявили желанiе 6 воспитанниковъ. Испытанiе производилось по обычной программѣ: предлагались по билетамъ отрывки (около 10 строкъ), для перевода, изъ авторовъ, которые читаются въ семинарiяхъ, и попутно давались вопросы изъ греческой этимологiи. Общее впечатлѣнiе остается все то же, которое повторяется при каждомъ новомъ поступленiи воспитанниковъ, именно, неблагопрiятное. Воспитанники, какъ имѣющiе изучать здѣсь предметы по оригинальнымъ греческимъ источникамъ, не владѣютъ необходимыми къ тому средствами: имъ за каждымъ словомъ нужно обращаться къ лексикону, и затрудняетъ каждая простая фраза. И это замѣтно не только въ отношенiи классическихъ авторовъ, но даже — стыдно сказать — въ отношенiи Новаго Завѣта. Поэтому, хотя комиссiя оцѣнила отвѣты удовлетворительными баллами, но она сознаетъ, что сдѣлала уступку, оцѣнивая болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, школьное знанiе низкаго уровня, совсѣмъ негоднаго для академической науки. Въ разсужденiи о причинахъ этого явленiя, комиссiя находитъ, что воспитанники наименѣе всего виновны въ своей неподготовленности, что они «жертва» школьной омертвѣвшей рутины. Чтобы

сколько-нибудь выйти изъ неприятнаго положенія, въ которомъ ежегодно бываютъ воспитанники и комиссія въ отношеніи другъ друга, комиссія находитъ нужнымъ объявить свое минимальное требованіе, именно, *переводъ на любой страницѣ Новаго Завѣта и Иліады Гомера,—переводъ не механическій, но съ пониманіемъ дѣла, разумный*. О крайней важности знанія воспитанниками новозавѣтнаго греческаго языка говорить не приходится. Что касается гомеровскаго языка, то знаніе его воспитанниками не менѣе важно по двумъ обстоятельствамъ: 1) гомеровскій языкъ есть одинъ изъ самыхъ основныхъ элементовъ общей греческой рѣчи, которою воспользовалась Евангельская проповѣдь и 2) гомеровскій языкъ есть древнѣйшая форма литературнаго греческаго языка,—форма, которая служитъ основнымъ камнемъ классической сравнительной филологіи. Чтобы минимальное требованіе комиссіи не было лишь пустою полумѣрою, комиссія находитъ нужнымъ рекомендовать (черезъ академическій Совѣтъ) преподавателямъ-богословамъ семинарій и прежде всего семинарскому начальству располагать и всячески поощрять воспитанниковъ въ чтеніи греческаго Новаго Завѣта. Желательно не только классное, но и внѣклассное, домашнее чтеніе. Вообще желательно, чтобы греческое языкознаніе было поставлено «на практическую почву», и опиралось главнымъ образомъ на греческій Новый Завѣтъ, какъ книгу дорогую для всякаго образованнаго христіанина и какъ настольную для всякаго духовнаго воспитанника, который никогда не оставитъ (этому комиссія твердо вѣрить) своей благочестивой и въ то же время научной привычки, развитой столь благороднымъ способомъ,—не оставитъ, какое бы положеніе онъ послѣ ни занималъ, начиная съ высокаго епископскаго поста и кончая скромною долею приходскаго сельскаго священника. Такое чтеніе греческаго Новаго Завѣта можно начать даже съ 4-го класса училища и вести, конечно, во все время семинарскаго образованія. Наконецъ, желательно, чтобы преподаватели семинарій обращали особенное вниманіе на воспитанниковъ, имѣющихъ поступить въ академію, чтобы въ отношеніи языкознанія они снабжали ихъ своими руководственными указаніями и разъясняли всю огромную важность этого дѣла для академической науки вообще и для нихъ самихъ въ частности».

Всякаго, кому дорого наше академическое образованіе и успѣхи богословской науки, этотъ отчетъ можетъ привести къ

заключенію, что въ достиженіи своихъ прямыхъ цѣлей академіи наши идутъ назадъ. Не такъ давно на страницахъ «Христіанскаго Чтенія» (1903 г. январь, стр. 96—125) было высказано въ сущности, что изученіе классическихъ языковъ должно вестись въ академіи сравнительнымъ методомъ, при свѣтѣ санскрита и на подкладкѣ родного языка, что только при этомъ условіи могутъ выходить изъ академіи хорошіе учителя языковъ. Но тамъ былъ оставленъ въ сторонѣ вопросъ, очень трудный, но еще болѣе неудобный по сплетенію съ нимъ разныхъ личныхъ интересовъ и предубѣжденій,—вопросъ о важности языкознанія въ кругу академическихъ наукъ, и было лишь замѣчено, что успѣхъ и честь языкознанія раздѣляются всѣми нашими науками. Теперь въ данномъ случаѣ это заключеніе въ значительной мѣрѣ подтверждается вышеприведеннымъ отчетомъ. Въ прибавленіе къ послѣднему, мы хотимъ также восполнить нашъ прежній пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что къ этому вызываетъ современная жизнь своими запросами. Такъ какъ она требуетъ немедленнаго, яснаго и короткаго отвѣта, то мы предпочли форму положеній всякой другой, воздержавшись отъ разныхъ научныхъ и прочихъ ссылокъ.

Настоящій разъ главное наше положеніе таково: *ничто такъ тѣсно и такъ глубоко не связано съ богословскою наукою, какъ языкознаніе; и, слѣдовательно, если желательны успѣхи въ академическомъ образованіи, съ тѣмъ, чтобы они отразились потомъ ниже, то языкознаніе, дѣйствительно, должно быть поставлено въ академіи, какъ прилично самостоятельной наукѣ, равноправной съ богословскою.*

1. Начало, середина и конецъ языкознанія—это слово человѣческое. Значеніе слова въ душевной жизни человѣка неощѣпно велико, такъ что кто изучаетъ *душу человѣческую*, тотъ *тѣмъ самымъ изучаетъ и слово*, и наоборотъ. Слово, какъ *создатель понятія*, безъ котораго не можетъ быть никакой науки, есть драгоценнѣйшій *органъ мысли*; безъ его *услугъ* не можетъ обойтись ни озаренный свыше вѣстникъ воли Божіей, ни самый глубокомысленный философъ. Слово есть одинъ изъ немногихъ, самыхъ отличительныхъ и *божественныхъ* признаковъ человѣка. Кромѣ слова, Евангелистъ Іоаннъ ничего не нашелъ въ человѣкѣ, ни внѣ его, чѣмъ бы предвѣчную вторую Ипостась Святой Троицы могъ назвать такъ, каковою Она была до начала времени. Итакъ, *изучать и любить науку о словѣ приличнѣе всего богослову.*

2. До смѣшенія племенъ человѣческое слово было *одно* (Быт. XI, 1). И только послѣ смѣшенія, одна и единственная золотая монета разбѣялась на *множество* мелкихъ, и теперь мы слышимъ разноязычную рѣчь по лицу земли. Но важно замѣтить, что въ то время, какъ древніе эллины (самые передовые по культурности) презирали всѣхъ иноплеменниковъ съ ихъ языками и называли ихъ *варварами* (οἱ βάρβαροι), *христианство первое оцѣнило и уважило человѣческую разноязычность*. Не говоря о томъ чудесномъ событіи, которое произошло въ Иерусалимѣ въ 50-й день по воскресеніи Господа (чтеніе пасхальнаго Евангелія на разныхъ языкахъ можно считать слабымъ подобіемъ того событія), проповѣдники Евангелія, начиная трудами апостоловъ, *объединили* въ большую, неразбѣльную семью все разноязычное человѣчество, и тѣмъ *проложили путь* сравнительнымъ антропологическимъ наукамъ и самому сравнительному языкознанію. Итакъ, *богословъ, не суживая, а расширяя, насколько возможно единичнымъ силамъ чловѣка, кругъ научнаго изученія отдѣльныхъ языковъ,—тѣмъ самымъ становится подѣ божественное знамя христианства*.

3. Какъ въ Господѣ Исусѣ Христѣ соединились въ единое Божественное Лицо двѣ природы, божественная и человѣческая, такъ въ нѣкоторомъ смыслѣ есть свои *божественная и человѣческая природы* въ словѣ человѣческомъ, а еще болѣе, когда послѣднимъ передается Слово Божіе. Первая изъ нихъ, какъ духовная, сама по себѣ *неуловима и непередаваема*; ее только внутренне можно созерцать во второй. Вотъ гдѣ причина, почему самый совершенный переводъ есть только уступка научной слабости,—и вотъ гдѣ причина, почему такъ необычайно притягательно оригинальное слово для чловѣка, понимающаго его. Безъ объясненій понятно, что ограничиваться слабымъ русскимъ или славянскимъ переводомъ Слова Божія можно кому либо другому, но никакъ не богослову, если онъ желаетъ быть таковымъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Если кому, то именно ему, богослову, нужно созерцать *душу* Слова Божія, а она въ словѣ оригинальномъ, и больше нигдѣ. Не есть зоологъ, который строитъ классы животныхъ, а самъ не видалъ даже крупныхъ породъ; такъ далекъ отъ истиннаго богослова тотъ, кто готовъ разсуждать о высокихъ христіанскихъ истинахъ, и не видѣлъ, въ какой

формѣ онѣ воплощены. Итакъ, *богослову нужно оригинальное Слово Божіе видѣть.*

4. Слово Божіе есть святая, спасительная истина для всякаго христіанина. Это *единственная сокровищница* его, откуда онѣ почерпасть свою надежду на загробное существованіе, когда кругомъ все говоритъ о немъ самомъ, какъ прахъ и невозвратномъ уничтоженіи,—тамъ ему обѣщаны небесныя обители, когда кругомъ все говоритъ о немъ, какъ ничтожество, и о мѣрѣ, какъ необъятности,—тамъ для него мерцаетъ далекій свѣтъ, когда кругомъ его самого глубокая тьма вѣковѣчнаго человѣческаго невѣдѣнія. И между тѣмъ, много ли уваженія къ этой спасительной истинѣ, къ этой сокровищницѣ, если довольствоваться слабымъ отображеніемъ ея въ какой-нибудь переводной рѣчи и не смотрѣть прямо и вглядываться въ ея собственное лицо? Въ такомъ случаѣ ботаникъ больше цѣнитъ свой ничтожный полевой цвѣтокъ, когда старательно вникаетъ въ мельчайшія подробности его каждаго лепестка. Итакъ, *богослову нужно со вѣсьмъ вниманіемъ и старательностію читать и перечитывать оригинальное Слово Божіе, какъ единственно драгоценное и ничѣмъ незамѣнимое для христіанина.*

5. Для науки сравнительнаго языкознанія нужны всѣ языки, особенно самые древніе и характерные по своему строю, какъ для ботаника нужны всѣ виды растеній, и особенно представители классовъ. И для ученаго богослова суть самые цѣнныя,—это языки *древніе*, въ ряду которыхъ *самое почетное мѣсто*, послѣ древне-еврейскаго, занимаетъ *греческій языкъ*, считающійся въ нашихъ академіяхъ на положеніи чисто свѣтскаго предмета, лишеннаго всякихъ научныхъ правъ. Самъ по себѣ не мало важенъ общеизвѣстный фактъ, что изъ всѣхъ языковъ земли еврейскій, по волѣ Божіей, послужилъ оригинальнымъ языкомъ для ветхозавѣтнаго Слова Божія, а греческій, судьбами божественнаго промысла, сталъ оригинальнымъ языкомъ для новозавѣтнаго Слова Божія. Однако, въ глазахъ богослова греческій языкъ *цѣннее* еврейскаго, насколько открытая истина Евангелія выше прикровенной истины пророковъ. Слѣдовательно, не нужно забывать, что для богословской науки греческій языкъ есть въ нѣкоторомъ смыслѣ *священный*, потому что воспользовавшаяся имъ Евангельская проповѣдь его, можно сказать, *освятила*,—не нужно забывать (а это предано у насъ постоянному забвенію), что это языкъ, на ко-

торомъ говорили и писали апостолы, хотя онъ и не былъ ихъ роднымъ языкомъ, что это родной языкъ длиннаго ряда отцовъ и учителей Церкви, оставившихъ намъ свои безсмертныя творенія, что это языкъ соборныхъ вѣроопредѣленій и законоположеній, которыми живетъ Церковь донинѣ. Итакъ, для богослова греческій языкъ по своему значенію не то же, что одинъ изъ новѣйшихъ, даже латинскій не равняется съ нимъ, но онъ есть для него единственный изъ всѣхъ языковъ, самый дорогой, самый близкій и, можно сказать, священный.

6. Благодаря многовѣковой совмѣстной жизни, христіанство и греческій языкъ такъ сроднились между собою, что стали какъ бы двумя сторонами одного цѣлаго. Достаточно сказать, что наши предки, принявъ христіанство отъ грековъ, приняли его собственно въ *греческой формѣ*, и мы теперь въ храмѣ и школѣ *дышимъ* *всѣмъ греческимъ*, какъ естественнымъ воздухомъ, хотя и не замѣчаемъ этого. Но служить большою честію греческаго гения, жившаго всегда духовною свободою, что онъ не исказилъ христіанскихъ идей, и какимъ самъ принялъ божественное сокровище, такимъ его и передалъ нашимъ предкамъ, такъ что греческая форма христіанства есть вмѣстѣ *православная* и, слѣдовательно, *вселенская*. Итакъ, *богослову нужно почитать греческій языкъ, какъ родной по духу*.

7. Греческій языкъ, современный началу христіанства, выросъ изъ *древне-греческаго*; онъ есть только *известная стадія* въ его историческомъ развитіи,—стадія, которая имѣла за собою къ тому времени почти *тысячу лѣтъ* литературнаго творчества. Этотъ фактъ столь огромной важности для богослова, что трудно ее въ немногихъ словахъ передать. Но думается, достаточно сообразить хотя бы это: какъ у себя дома мы не поймемъ многого, и именно самаго существеннаго, если закроемъ глаза на древнюю исторію своего языка, такъ точно много существеннаго для богослова будетъ не ясно въ новозавѣтномъ греческомъ языкѣ (къ тому же писателями были не природные греки; а это еще болѣе осложняетъ дѣло) и въ языкѣ греко-христіанской литературы, если отвернемся отъ древнѣйшей его подкладки. Въ этой послѣдней занимаетъ *самое центральное и почетное мѣсто слѣпой старецъ Гомеръ* (пусть онъ будетъ мионическою личностію, но у насъ есть произведенія, Илиада и Одиссея), который въ неподражаемо художественной формѣ передалъ намъ сказанія и думы эллинскаго народа; а

эти, опять по свойству греческаго генія, какъ свободнаго, стоять выше узкой національности и граничатъ съ общечеловѣческими идеалами. Не мудрено, если этотъ великій старецъ сталъ всемірнымъ поэтомъ, и его произведенія вскормили всю послѣдующую греческую литературу, которая потомъ, какъ учитель, перешла въ Римъ, и оттуда распространила свое воспитательное вліяніе на всю Европу съ ея литературами. Мы восхищаемся красотой даже переводнаго слова изъ нѣкоторыхъ греческихъ отцовъ Церкви, но оно несравненно красивѣе въ оригиналѣ; и можемъ сказать, что эту красоту они обязаны своей родной литературѣ, лучшія произведенія которой такъ же изучали въ своихъ школахъ и сами по себѣ, какъ мы теперь своего Пушкина и другихъ образцовыхъ писателей. Беремъ въ примѣръ одну частность дѣла, которое по своему научному значенію громадно. Итакъ, *для богослова, если онъ желаетъ понимать языкъ новозавѣтный и греко-христіанской литературы въ его, такъ сказать, корни, древне-греческая литература должна быть областью внимательнаго изученія, хотя она и языческая, хотя она и свѣтская.*

8. Греческое языкознаніе имѣетъ фундаментальное значеніе для богословской науки, но не исключительное, потому что ей нужны еще латинское языкознаніе и знаніе новѣйшихъ языковъ. Пока западная церковь была въ единеніи съ греко-восточною, она выставила рядъ своихъ отцовъ и учителей, которые писали на латинскомъ языкѣ. Но ограничиться только ихъ литературою, — это значить то же, что оторвать греко-христіанскую литературу отъ ея древнѣйшей, языческой подкладки. Хотя латинско-христіанская литература не возглавляется подлиннымъ Словомъ Божіимъ, какъ греко-христіанская новозавѣтнымъ, однако за нею полныя права *слова* человѣческаго, которое, какъ мы старались выше показать, съ *внутренней* своей стороны непередаваемо; а это то же, что богослову нужно ее (литературу) *читать самому*, не довольствуясь переводомъ. Для чтенія требуется *знаніе языка*, которое должно быть столь же глубокое, какъ и греческаго. Новѣйшіе языки создали современную европейскую литературу. И здѣсь знаніе языковъ и *чтеніе въ оригиналь* нужны прежде всего: изучать по переводу, напр., Шекспира значить изучать призракъ, воображаемаго Шекспира, а недѣйствительнаго. Но для богослова новѣйшіе языки особенно важны съ практической стороны — нужно

умѣть на нихъ *было читать*. При нынѣшнемъ высокомъ подъемѣ науки на Западѣ и сравнительно низкомъ уровнѣ ея у насъ, нашему богослову не обойтись безъ руководствъ и пособій иностранныхъ ученыхъ, и приходится читать не страницы, а томы. Но какое это чтеніе! Пишущій эти строки можетъ сказать по крайней мѣрѣ о себѣ: ему на такое чтеніе нужно вдвое и даже втрое больше времени, чѣмъ бы слѣдовало; и онъ сознаетъ, что этимъ пробѣломъ въ своемъ образованіи обязанъ семинаріи и академіи. Потомъ богослову, кромѣ бѣглаго чтенія, нужно правильное *произношеніе*, потому что новѣйшіе языки суть живые. И съ этой стороны у насъ большой недостатокъ: и сказалъ бы иностранную фразу, но молчишь, какъ нѣмой, не умѣя ее выговорить. Итакъ, *для богослова нужны глубокое знаніе латинскаго языка и бывшее чтеніе съ правильнымъ выговоромъ относительно новѣйшихъ языковъ*.

9. Духовно-учебная школа (съ ея теперешними тремя подраздѣленіями) *никогда не должна терять свою духовную окраску*, поскольку назначена служить цѣлямъ православной Церкви и науки; наоборотъ, съ этой именно стороны нужны еще нѣкоторыя улучшенія. У духовнаго воспитанника, напр., грамматика греческаго языка должна быть другого типа, чѣмъ у свѣтскаго воспитанника, такъ какъ ее нужно приспособить къ чтенію не только классическихъ авторовъ, но и богословской греческой литературы, начиная съ Новаго Завѣта. Мы пробавляемся до сихъ поръ словарями свѣтскихъ ученыхъ, а намъ нужны свои, которые бы специально были построены на греческомъ богословскомъ и богослужебномъ языкѣ. Кому приходилось переводить изъ этой области, тотъ могъ убѣдиться въ недостаточности свѣтскихъ словарей. Вообще, *какъ въ учебномъ, такъ и научномъ отношеніяхъ, остается еще очень много сдѣлать съ этой чисто духовной, церковной стороны*.

10а. Но есть огромная разница между *свободнымъ* духовнымъ направлениемъ и *деспотическимъ* духовничествомъ, подъ которымъ мы разумѣемъ узкую, одностороннюю клерикальность. При первомъ можно сохранить свободу для науки, соблюсти интересы богословскихъ и свѣтскихъ наукъ, не нарушая научныхъ правъ ни одной стороны; при второмъ—значить богословскія науки отдалить отъ жизни и сдѣлать изъ нихъ *мертвую схоластику*, а науки свѣтскія низвести до *школьнаго уровня*. Когда толкователь священнаго текста не умѣетъ воспользоваться ни однимъ фактомъ гражданской исторіи, или

параллелью изъ самыхъ цѣнныхъ классическихъ авторовъ,—когда догматистъ выкладываетъ длинную вереницу славянскихъ текстовъ, и рядомъ нѣтъ подлиннаго священнаго текста,—когда литургистъ объясняетъ божественную литургію, и не покажетъ ни одного ея подлиннаго слова,—когда христіанское ученіе о нравственности обращается въ перечень такъ называемыхъ добродѣтелей и пороковъ, и въ язычествѣ не усматривается ни одной достойной параллели,—все это зловѣщіе признаки схоластики. Или: когда эллинистъ не умѣетъ связать Аѳину съ Минервой, ни латинистъ Минерву съ Аѳиной (говоримъ такъ для примѣра),—это несомнѣнные признаки школьнаго уровня классическаго языкознанія. Древніе греки, наши родные по духу, сохранили въ узкой греческой формѣ вселенскость христіанства, и въ національной формѣ своихъ гомеровскихъ поэмъ всѣмъ передали общечеловѣческіе идеалы,—и все это отъ того, что они жили духовною свободою. Итакъ, *пусть будутъ греки примѣромъ для насъ въ правовомъ уравненіи богословскихъ и свѣтскихъ наукъ.*

10б. Не нужно бояться широкой постановки свѣтскихъ наукъ въ академіяхъ, если только эти науки будутъ въ рукахъ *богословски - образованныхъ питомцевъ академій.* Послѣднее весьма важно для нашей духовно-учебной школы, и оно составляетъ неотъемлемое преимущество академическаго свѣтскаго профессора предъ университетскимъ, а также семинарскаго или училищнаго преподавателя предъ гимназическимъ. Во-первыхъ, не нужно забывать, что университетская наука не можетъ похвалиться согласіемъ между вѣрою и знаніемъ. Во-вторыхъ, употребить всѣ свои отроческіе и юношескіе годы на изученіе богословскихъ наукъ,—это великое дѣло для человѣка. Такой человѣкъ, занимая свѣтскую кафедру въ академіи, широкимъ изученіемъ своего предмета можетъ оказать своей воспитательницѣ только пользу. На все свѣтское содержаніе своей науки онъ смотритъ въ сущности глазами богослова, и скорѣе всего *онъ можетъ быть примирителемъ вѣры и знанія.*

11. Низкій уровень классическаго языкознанія въ нашей духовно-учебной школѣ есть слѣдствіе ея *научной отсталости*, а эта вызвана *факультативнымъ порядкомъ* ея преподаванія въ нашихъ академіяхъ, продолжающимся до сего дня, и, наконецъ, этотъ вызванъ *безправностію* языкознанія, какъ науки, съ самаго начала. Въ самомъ дѣлѣ, нужно печеловѣческое самоотверженіе, чтобы стать въ своей области наравнѣ

съ университетскимъ профессоромъ, и въ то же время сознавать, что все добытое тобою знаніе не требуется для такъ называемаго богословія. И отсюда великъ соблазнъ: считаться хозяиномъ въ своей области только номинально, а самому заниматься болѣе выгоднымъ въ житейскомъ отношеніи. Языкознаніе, какъ и всякая наука, имѣетъ свою опредѣленную цѣль, не уважить которую значитъ подорвать языкознаніе въ его корнѣ, а богословскую науку лишить тѣмъ самымъ ея естественной и незамѣнимой опоры. Итакъ, *языкознаніе должно быть равноправною сестрою богословской науки, хотя бы и младшею*. Въ академіяхъ должны допускаться самостоятельныя ученныя работы прямо по языку или литературѣ: всякій научно рѣшенный вопросъ долженъ имѣть свое мѣсто на страницахъ духовныхъ журналовъ, наряду съ чисто богословскими статьями. Едва ли нужно говорить, что такое же отношеніе между науками должно быть и въ семинаріяхъ, такъ что, напр., неравноправность балловъ для перваго разряда должна быть устранена, какъ извѣстнаго рода насиліе.

12. Если желательно въ академіяхъ языкознаніе, какъ наука съ ея опредѣленною и самостоятельною цѣлью (а это не только желательно, но даже необходимо), то самый лучший распорядокъ въ академическихъ занятіяхъ долженъ быть такой. Греческая и латинская литературы соединяются въ одну *греко-латинскую*, противъ которой, какъ отдѣльнаго предмета, ставится столь же отдѣльный предметъ—*сравнительное изученіе классическихъ языковъ, при пособіи санскрита и родного языка*. Въ печатномъ словѣ и письменномъ заявленіи Совѣту петербургской академіи мы старались выяснитъ всю резонность такого распорядка, какъ съ чисто научной, такъ и педагогической стороны. Тогда мы оставляли прежнюю факультативность въ изученіи классическихъ литературъ (со стороны студентовъ, а не профессоровъ), мирясь съ нею, какъ съ терпимымъ зломъ, но послѣдующій опытъ окончательно убѣдилъ, какъ вредна эта факультативность, и мы теперь предлагаемъ *общеобязательность* соединенныхъ литературъ, наравнѣ съ общеобязательностью сравнительнаго изученія языковъ. Мы надѣмся, что въ цѣлесообразности такого распорядка не можетъ сомнѣваться человекъ, понимающій это дѣло съ научной стороны; и въ частности, сколько-нибудь изучавшій языкъ научно не можетъ отвергать всю важность сравнительнаго метода и высокую цѣнность санскрита, какъ сравнительнаго сред-

ства, не говоря о многомъ другомъ. Покойный В. В. Болотовъ—эта гордость наша—душою раздѣлялъ сравнительное изученіе языковъ, и именно, въ нашей постановкѣ; такимъ путемъ онъ, по собственной инициативѣ, приобрѣлъ богатая свѣдѣнія изъ сравнительнаго языкознанія, и считалъ эту самую науку крайне необходимой для богослова. Правда, онъ не предвидѣлъ соединенія классическихъ литературъ въ одинъ общеобязательный предметъ, но онъ душою скорбѣлъ по поводу нашей факультативности. Если разграниченныя нами области знанія окажутся неравными по своему объему, и соединенныя литературы будутъ признаны болѣе широкимъ предметомъ (хотя, по нашему, эти области равны), то можно профессору сравнительнаго классическаго языкознанія присоединить *древнѣйшій періодъ соединенныхъ литературъ*, а на рукахъ другого профессора оставить дальнѣйшіе періоды ихъ. Въ соотвѣтствіе академическому распорядку, въ духовной семинаріи 1-й и 2-й годы должны быть посвящены изученію произведеній Гомера, важность котораго мотивирована въ вышеприведенномъ отчетѣ. Изучавшіеся тамъ до сихъ поръ Ксенофонтъ и Геродотъ могутъ быть оставлены, такъ какъ перваго, по языку, повторяетъ послѣ Платонъ, а второй при Гомерѣ излишенъ. Опять въ соотвѣтствіе академическому распорядку, преподаватели классическихъ языковъ въ семинаріяхъ и училищахъ также должны соединять въ своихъ рукахъ *оба языка*, и вести преподаваніе по возможности *сравнительнымъ методомъ* и на почвѣ *родного языка*. Въ отношеніи новѣйшихъ языковъ, желательно, чтобы изученіе ихъ было *усилено* въ семинаріяхъ, а для этого нужны: 1) обязательное изученіе хотя бы одного изъ языковъ (по выбору воспитанника), 2) изученіе систематическое, съ преобладаніемъ устныхъ и письменныхъ упражненій, 3) равноправность въ отношеніи балловъ съ прочими предметами и 4) экзамень, при поступленіи въ академію.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки